

Этот факт заставил Чжоу Цу дышать чаще. У него пересохло в горле, а в глубине глаз заплясали огоньки возбуждения и удовлетворения.

Фан Чжо украдкой наблюдал за ним и мысленно цокал языком: всего несколько сообщений в мессенджере — и он уже тяжело дышит. До чего же страшно.

Спокойно допив, Фан Чжо облизал губы и причмокнул, чувствуя странный привкус:

— Ты что-то добавил?

— Ничего не добавлял. — Чжоу Цу отвел взгляд от влажных, ярко-красных губ юноши, но буря внутри него никак не утихала, отчего голос прозвучал не по-мужски хрипло: — Охранники сказали, что ты завел новых друзей в интернете.

Фан Чжо, которого этот голос заставил приятно вздрогнуть, снова облизнул губы:

— Да, есть такое.

— Что за люди?

— Очень хорошие.

Чжоу Цу прищурился. Его рука уже легла на затылок юноши, несильно, но властно поглаживая:

— Насколько хорошие?

Фан Чжо склонил голову набок, размышляя:

— Неописуемо хорошие.

Чжоу Цу, полуприкрыв глаза, ласково спросил:

— Лучше, чем я?

Фан Чжо, не боясь смерти, ответил:

— Столь же хорошие.

Чжоу Цу неопределенно кивнул и, развернувшись, вошел в дом. Стоя у панорамного окна в кабинете, он отчетливо видел, как тело юноши окутывает тонкий слой ауры.

Когда Чжоу Хэнянь был жив, он говорил, что духовная энергия в теле Фан Чжо встречается крайне редко. Если не удастся найти способ спасти его, можно попробовать подпитывать его

душу собственной кровью — возможно, это поможет удержать жизнь.

Этот метод старик нашел в древней книге. Лекарство было симптоматическим, эффект — неясным, но сейчас стало очевидно: способ действительно работает.

Пожалуй, можно начинать трапезу.

Чжоу Цу тихо усмехнулся и быстро застучал пальцами по экрану, источая убийственный холод.

С: Завтра в десять вечера. Цзинъюэ, зал Шаньшуйцзянь.

На следующий вечер Чжоу Цу позвонил и сказал, что у него дела, вернется поздно, а Фан Чжо пусть ложится спать пораньше.

Фан Чжо пообещал, что так и сделает, но, как только за спиной скрылись охранники и водитель, он схватил кошелек и улизнул. Добравшись до частного клуба Цзинъюэ, он подошел к стойке регистрации.

Бронь была — суперлюкс на третьем этаже.

Забрав ключ-карту, Фан Чжо шел по коридору, рассматривая репродукции картин, и, встретив персонал, приветливо кивал.

Зал Шаньшуйцзянь находился в самом конце коридора. Внутри царил атмосфера старины: на потолке резные плафоны в форме соцветий сливы, пространство разделяли четырехстворчатые ширмы с вышивкой в стиле Шу, а на диване из красного дерева лежали шелковые подушки. В глубине располагалась зона отдыха: ванная комната с джакузи и огромная кровать.

Фан Чжо сел на кровать. Ему было не до того, чтобы оценивать мягкость матраса: он то грыз ногти, то теребил волосы, то вскакивал и начинал мерить комнату шагами.

Каждая клетка его тела кричала от напряжения.

Скрестив ноги, он заговорил с 233:

— Слушай, а если использовать... ну, то самое место, это очень больно?

233 был в унынии: его хозяин уже перешел на современные смартфоны, а он по-прежнему вынужден довольствоваться кирпичом-телефоном.

Фан Чжо продолжал ворчать:

— Почему он до сих пор не пришел? Скорее бы уже покончить с этим, издевается, что ли? Чжоу Цу на следующей неделе тридцать, может, сегодня забить, а на день рождения просто упаковать себя в подарочную ленту и преподнести ему?

233: Поздно.

Фан Чжо застыл, боясь пошевелиться. В следующую секунду за дверью послышались голоса.

— Добрый вечер, господин Чжоу.

— Добрый вечер. — Голос Чжоу Цу был абсолютно спокойным, ни намек на возбуждение от предстоящей ночи.

Фан Чжо захотелось бежать еще сильнее.

Раздался двойной писк, дверь отворилась. Свет из коридора хлынул в гостиную, а затем и в спальню, как раз осветив обнаженную ногу Фан Чжо.

Он подтянул ноги к себе, обхватил колени руками и принялся убеждать себя: не бойся, не бойся, просто закрой глаза, повернись нужным местом — и всё закончится, это быстро.

Чжоу Цу не стал включать свет. Его высокая, мощная фигура в полумраке напоминала голодного хищника, вышедшего на охоту. Кожаные туфли глухо стучали по полу, создавая тяжелое давление.

— Это ты С? — Фан Чжо напрягся, как струна, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Нет. — Чжоу Цу уже расправлял галстук.

Фан Чжо сглотнул вязкую слюну, продолжая играть свою роль: что бы ни случилось, он должен довести дело до конца.

— Тогда кто ты?

Чжоу Цу, не выпуская галстук из рук, принялся расстегивать пуговицы на рубашке и неспешно произнес:

— Угадай.

Партнер проявил редкое чувство юмора, но Фан Чжо было не до смеха — хотелось рыдать.

Ради дурацкого задания он сам принес себя на кровать к старому волку. Волк этот оказался не просто старым, а еще и с причудами: мало того что шутит, так еще и силой обладает недюжинной. Он связал ему руки галстуком и закрепил над головой.

Чжоу Цу навалился сверху. В глазах Фан Чжо читался самый настоящий испуг. Дрожащими губами он пролепетал:

— В-второй господин, вы... послушайте, я...

Чжоу Цу не желал слушать оправданий. Одна лишь мысль об обмане и предательстве жгла его сердце, словно раскаленное железо. Ему хотелось утащить этого человека в огонь, чтобы, даже если их сожжет дотла, их плоть осталась неразлучна.

— Думал о последствиях предательства? — Чжоу Цу едва ощутимо погладил Фан Чжо по лицу, а в глубине его глаз клубилась черная мгла.

Фан Чжо дрожал, закусив губу.

— Если бы С был не я, ты бы лег с ним в постель? — Длинные пальцы потянулись к затылку юноши.

Чжоу Цу обожал этот жест — он был полон контроля и опасности. Одно резкое движение — и позвоночник сломан, тут даже великий Хуа То не поможет.

Фан Чжо выдавил:

— Нет.

— Ты лжешь. — Чжоу Цу сжал его талию так сильно, что пальцы почти впились в кожу. Фан Чжо поморщился от боли: — Нет, второй господин, мне больно, отпусти...

Надо потерпеть, прежде чем объясняться. А вдруг Чжоу Цу поймет, что это недоразумение, и опять, как раньше, ограничится простым сном? Нельзя, чтобы всё это представление пропало даром.

Он должен сделать так, чтобы машина сорвалась с тормозов.

Чжоу Цу не смягчился. Стоило представить, как этот юноша стонет под другим мужчиной, как ему хотелось убить того соперника, а потом по кусочкам проглотить этого непутевого маленького лжеца.

— Если не собирался, зачем продолжал переписку? А? — Ярость Чжоу Цу достигла предела. — Сюй Вэйлай, кем ты меня считаешь?

Считаю тебя своим дедом.

Фан Чжо взмолился:

— Чжоу Цу, я виноват, больше никогда так не буду.

Но мольбы не помогли. Чжоу Цу грубо заткнул ему рот поцелуем, яростно исследуя полость рта. Слюна смешивалась, и Фан Чжо вынужден был глотать ее.

Этого было мало, таких простых прикосновений было недостаточно!

Дыхание Чжоу Цу становилось все чаще, глаза в полумраке горели жадностью. Он рванул одежду на юноше, сдирая ее, и погнал по автостраде. Каждый раз, когда машина наезжала на препятствие, ее сильно трясло, а потом она снова шла ровным ходом, оставляя Фан Чжо в подвешенном состоянии.

Впервые в жизни Фан Чжо пришлось так «ехать», и это было невыносимо. Тело ныло, казалось, все конечности сейчас разлетятся на части. Хотя водитель Чжоу был новичком, техника у него была отменная: не прошло и много времени, как он довел пассажира до слез и мольбы о пощаде.

— Второй господин, можно... остановиться? — Фан Чжо вцепился в простыню, крича от боли.

Чжоу Цу укусил его за нежную кожу на шее:

— Нельзя.

— Второй господин, я сейчас умру...

— Нет. Ты сам говорил, что очень вынослив.

— ...

Чжоу Цу мучил его до двух часов ночи, после чего отнес в ванную, привел в порядок и вернул в кровать. Он был возбужден — и физически, и морально. Тридцать лет воздержания — тут пяти-шести раз явно будет мало.

Фан Чжо прекрасно это понимал, поэтому наутро прилежно притворялся мертвым, отказываясь вставать. Рука, обвиняющая его талию, была тяжелой, а сзади чувствовалось плотное прикосновение. Не выдержав, Фан Чжо раздраженно оттолкнул Чжоу Цу, сбросил одеяло и, хромая, поплелся в ванную.

— Черт, как же больно...

Действительно, нельзя загонять человека в угол, в итоге сам же и пострадаешь. Он принялся: от него пахло приятно — видимо, Чжоу Цу его помыл.

Присев на унитаз, Фан Чжо немного поразмышлял о жизни, а затем, опираясь на стену, поднялся. Выйдя из ванной, он выпрямил спину и зашагал бодрой походкой, сохраняя последние крохи мужского достоинства.

Проходя мимо Чжоу Цу, он был пойман и усажен на колени мужчине. Таз коснулся крепких мышц бедер, отозвавшись новой вспышкой боли.

— Чжоу Цу, включи мозги: похож я на того, кто будет ходить налево? — Фан Чжо закипал и решил переложить вину на него: — Я знал, что это ты, поэтому и согласился на встречу. Это все стратегия, стратегия, понимаешь?

Чжоу Цу укусил его за шею, углубляя оставленный след:

— Прости, глаз подвел.

На самом деле, еще в середине «трапезы» он все понял, а гнев был лишь следствием того, что он слишком сильно переживал. Глядя на разбитые губы юноши и следы на ключицах, мужчина помрачнел.

Фан Чжо покосился на «кирпич» на столе, руки зачесались взять его, но, почувствовав, как дракон уперся ему в ягодицу, он замер, не смея пошевелиться, и с плачевным видом пробормотал:

— Чрезмерная похоть вредит почкам, а почки — основа жизненной энергии, для мастера фэн-шуй это очень важно.

Чжоу Цу:

— Пока не трону.

Фан Чжо выдохнул, положил подбородок на плечо мужчины, завел руку за спину и украдкой схватил телефон, одними губами прошептал:

— Брат А-Сань, умоляю, прогресс.

[Нового прогресса нет.]

— Почему нет! — в ужасе взревел Фан Чжо.

Чжоу Цу повернул голову и поцеловал его в висок:

— Чего нет?

— Рекорды в «Змейке» пропали...

Фан Чжо дорожил этим старым телефоном, никому не позволял его трогать, даже Чжоу Цу.

Чжоу Цу невозмутимо произнес:

— Я же купил тебе новый телефон? Выбрось старый.

233 был в панике, телефон в руках Фан Чжо бешено вибрировал. Фан Чжо бросился на спасение:

— Нельзя выбрасывать, брат А-Сань был свидетелем всех наших моментов, это память!

Чжоу Цу сжал тонкую талию в своих руках и оттолкнул его, заметив, что аура вокруг юноши исчезла. Взгляд мужчины стал глубоким, выражение лица — тяжелым.

Почувствовав, как температура в комнате резко упала, Фан Чжо вздрогнул и принялся играть еще старательнее:

— Пусть ты всегда с каменным лицом и говоришь холодно, но ты заботишься обо мне, защищаешь... Никто никогда не относился ко мне так хорошо.

— Чжоу Цу, время, проведенное с тобой, — самое дорогое в моей жизни.

Сказав это, он глянул на телефон. Черт, сообщений все еще нет. Похоже, его слова не пробили броню старого волка.

Чжоу Цу прижал его к себе так сильно, словно хотел вплавить в свое тело. Подержав его так некоторое время, он отстранился:

— Сиди смирно, я спущусь вниз, закажу поесть.

— Хорошо.

Как только Чжоу Цу ушел, Фан Чжо принялся трясти телефон:

— Что происходит? Система загнутила? Разве высшее проявление любви — это не единение души и тела?

233: Я ИИ, я не понимаю чувств.

Фан Чжо:

— От тебя толку, как от козла молока!

В коридоре, устланном коврами с вышивкой, Чжоу Цу стоял, прислонившись к стене и куря. Даже клубы дыма не могли скрыть ярость и тьму в его глазах.

Он посмотрел на внутреннюю сторону запястья: рядом с длинным тонким порезом виднелся след от вчерашнего укуса. Пальцы слегка коснулись раны, он затушил окурок прямо о самый глубокий след.

Плоть обожгло, оставив круглый шрам — словно безмолвная клятва.

В жизни или смерти — всегда вместе.

В комнате телефон, который до этого вел себя тише воды, внезапно подал сигнал.

[Линия чувств: четыре звезды.]

— Брат А-Сань, твоя система никуда не годится, вечно тормозит, — жаловался Фан Чжо, развалившись на кровати. — Эту звезду так сложно выбить, у меня уже задница на две части разваливается.

233: Какие ощущения?

Фан Чжо спокойно констатировал:

— Немного раздражает, немного болит, и... немного приятно. Все очень сложно.

У двери послышались звуки. Фан Чжо сел. Чжоу Цу принес очередной огромный стакан ярко-красного арбузного сока.

Он протянул его юноше:

— Выпей.

У других после секса — сигарета, у него — арбузный сок. Никаких претензий.

Фан Чжо принялся: запах арбуза был подозрительно резким, а сама жидкость — густой. Он сделал глоток и нахмурился:

— Сколько стоит этот сок?

Чжоу Цу:

— Бесплатно.

— Тогда неудивительно. Вкус такой концентрированный, точно с ароматизаторами и красителями, пить такое не полезно. Можно не надо?

— Выпей все. — Тон не допускал возражений.

Фан Чжо вздохнул. Его шея, когда он запрокинул голову, выглядела изящно, а кадык при глотании двигался соблазнительно.

Через мгновение в мрачных глазах Чжоу Цу наконец промелькнуло облегчение:

— Я слышал, ты сказал, что прошлой ночью было очень приятно.

— Пф-ф!

Фан Чжо выплюнул сок. Белая рубашка Чжоу Цу на груди намокла. Он в суматохе схватил салфетки, намереваясь протереть мужчину.

Чжоу Цу перехватил его руку и неспешно начал расстегивать пуговицы:

— Не надо протирать, просто сними ее.

Это «сними» оказалось двусторонним, и к тому времени, как всё закончилось, наступило время обеда.

Фан Чжо был голоден как волк, но мог лишь с тоской смотреть на остатки мясных блюд, вынужденно попивая рисовую кашу. Чжоу Цу не торопил его, уткнувшись в телефон и решая какие-то дела.

— Там еще болит? — вдруг спросил Чжоу Цу. — Дай посмотрю.

Фан Чжо чуть снова не подавился. Ночью в темноте ничего не было видно, да и ладно, но середь бела дня... это уже перебор.

— Не болит, совсем не болит, — с натянутой улыбкой ответил он.

— Оу. — Чжоу Цу ответил лишь на слова, но в телефоне уже переключился на интерфейс

сообщений и отправил запрос личному врачу.

Они отсутствовали всю ночь, а на следующий день появились вместе. Любой дурак догадается: видимо, дома им стало скучно, вот и поехали искать место поинтереснее.

Фан Чжо под любопытными взглядами поднялся наверх, стараясь стать невидимым. Как только он скрылся из виду, Чжоу Цу направился в кабинет.

Там охранник почтительно положил на стол пакет с белым порошком. На внешней стороне пластика еще блестели капли воды.

— Нашли в бачке унитаза в туалете на первом этаже.

Нынешний клан Чжоу постепенно увядал, превращаясь в кучку песка. Некоторые из тех, у кого еще оставался хоть какой-то талант, решили сменить сторону и найти другой путь, положив глаз на Чжоу Цу, который уже начал восходить в Наньчэне.

Три дня назад они отправили представителей связаться с ним и договорились о встрече сегодня утром.

Те явились ни свет ни заря, прождали пять часов, а не дождавшись, ушли, проклиная Чжоу Цу за отсутствие воспитания и неуважение к старшим.

Актерская игра — на уровне «Оскара».

Если бы не принятые заранее меры и установленная в туалете скрытая камера, эта подстава бы удалась.

В этот момент снаружи слышались сирены, во двор въехали пять полицейских машин.

Капитан, возглавлявший отряд, был знаком с Чжоу Цу. Он привычно протянул ему сигарету:

— Брат Чжоу, даже родные братья должны рассчитывать по счетам. Не вини меня, что я не ценю нашу дружбу.

Чжоу Цу отмахнулся, не взяв сигарету:

— Помогать вам в расследовании — мой долг.

Капитан убрал сигарету и перешел к делу:

— Поступил анонимный донос, что у тебя хранятся наркотики. Вот ордер на обыск.

Чжоу Цу сделал жест, и охранник вынес пакет и ноутбук.

Капитан не ожидал, что он добровольно всё выдаст, и слегка удивился. Его взгляд упал на записку с камер, и брови поползли вверх: сто грамм порошка — это тяжкое преступление, пятнадцать лет тюрьмы — это еще по-божески.

— Ты перешел кому-то дорогу? — спросил капитан.

— Людям — нет, а вот одной твари — пожалуй. — Чжоу Цу пододвинул улики: — Вот вам зацепка. Копайте в этом направлении, результат будет впечатляющим.

Два дня спустя.

Полиция обнаружила в личной вилле Толстяка Чжана двадцать грамм наркотиков. В ходе расследования вскрылась целая сеть по производству и сбыту, стоявшая за кланом Чжан. К сожалению, Толстяк Чжан пронюхал о чем-то и сбежал.

Не прошло и года, как некогда грозный клан Чжоу рассыпался, словно карточный домик.

Люди судачили о том, вернется ли Чжоу Цу в столицу.

Однако Фан Чжо это совершенно не интересовало. Он лежал на столе, уставившись в отчет о прогрессе на телефоне.

[Сюжетная линия: четыре с половиной звезды.]

[Линия чувств: четыре звезды.]

Как только Чжоу Цу окончательно приведет дела клана в порядок, сюжетную линию можно будет закрыть. А вот линия чувств — большая проблема. Такие неосязаемые вещи — самые сложные и переменчивые.

Раздался стук, вошла тетушка Чэнь с арбузным соком.

Фан Чжо тут же скривился:

— Второй господин ушел?

Тетушка Чэнь улыбнулась и кивнула:

— Кажется, приехал господин Чжоу Чэн. Но сок господин выжимал лично.

Странное дело: Чжоу Цу никому не доверял приготовление сока, и в те минуты, когда он возился на кухне, никому нельзя было входить.

Фан Чжо однажды попытался подсмотреть, но был пойман с поличным. Наказанием стали двадцатиминутные поцелуи, от которых он едва не задохнулся.

— Тетушка Чэнь, я правда больше не могу, — Фан Чжо жалобно захлопал глазами. — Если второй господин спросит, скажи ему, что я выпил, ладно?

Тетушка Чэнь строго покачала головой:

— Господин Сюй, вы не обманете господина, он все видит.

Фан Чжо:

— ...

Тетушка Чэнь проследила, чтобы Фан Чжо выпил все до капли, и лишь тогда, довольная, забрала стакан.

— Мне кажется, Чжоу Цу что-то от меня скрывает, — Фан Чжо задумчиво почесал подбородок.
— Иначе зачем каждый день пихать в меня именно арбузный сок, а не яблочный, виноградный или банановый?

Если происходит что-то странное, жди беды.

233 был занят: он играл в игру, где нужно управлять танком, которую Фан Чжо специально для него заказал у программистов. 233 как раз атаковал вражеский бастион.

— Хватит играть, я к тебе обращаюсь, — Фан Чжо потряс телефон.

233 поставил игру на паузу:

[Такой любопытный — спрячься и подсмотри.]

Фан Чжо осенило.

Время, когда Чжоу Цу выжимал сок, было фиксированным, поэтому на следующий день Фан Чжо встал пораньше.

Сначала он зашел в ванную, включил душ и заперся изнутри, создавая иллюзию купания. Затем на цыпочках спустился вниз и, пока тетушка Чэнь выносила завтрак, прошмыгнул на

кухню и спрятался в шкафчике.

Вскоре вошел Чжоу Цу.

Сердце Фан Чжо колотилось как бешеное. Обхватив колени, он приоткрыл дверцу шкафа и через узкую щель стал наблюдать.

Сначала всё шло как обычно, пока он не увидел, как Чжоу Цу достал из своих часов лезвие...

Раздался грохот. Фан Чжо от волнения забыл, где находится, и с силой ударился головой о дверцу, так что весь шкаф содрогнулся. Чжоу Цу настороженно спрятал лезвие, опустил рукав и вытащил спрятавшегося человека.

Увидев, кто это, он помрачнел:

— Что ты здесь делаешь?

В голове Фан Чжо была пустота. Перед глазами раз за разом прокручивалась картина: Чжоу Цу полосует собственную руку. Он долго не мог вымолвить ни слова.

<http://bllate.org/book/22167/2309245>